A detailed oil painting of an elderly man with a long, grey beard and hair. He has a serious, almost prophetic expression, looking slightly upwards and to the right. He is wearing a light-colored, possibly white, robe or tunic over a blue and white checkered shirt. The background is dark and textured, with some lighter areas on the right side.

*“Мы будем свидетели
гибнущего мира рабства,
насилия и горя”.*

С. Конёнков

Сергей Конёнков

ПРОРОЧЕСТВА О ВОЙНЕ

ПИСЬМА СТАЛИНУ

Кто мы? (Алгоритм)

Сергей Конёнков

**Пророчества о войне.
Письма Сталину**

«Алисторус»

УДК 94(47)
ББК 63.3

Конёнков С. Т.

Пророчества о войне. Письма Сталину / С. Т. Конёнков —
«Алисторус», — (Кто мы? (Алгоритм))

ISBN 978-5-00180-997-5

Сергей Тимофеевич Конёнков (1874-1971), выдающийся скульптор, которого называли «русским Роденом», прожил долгую интересную жизнь. Выходец из многодетной крестьянской семьи, он ещё в царское время благодаря своим незаурядным дарованиям стал известен не только в России, но во всём мире. Конёнков дружил с Есениным, хорошо знал Шаляпина и Рахманинова, академика Павлова, других выдающихся деятелей российского искусства и науки. После Октябрьской революции, которую он горячо принял, Конёнков был направлен в Америку для участия в выставках русского и советского искусства, по официальной версии. Однако начальник 4 диверсионно-разведывательного управления НКВД Павел Судоплатов утверждал, что Конёнков и его жена выполняли особую миссию в США: «Конёнкова под руководством сотрудника нашей резидентуры в Нью-Йорке постоянно влияла на Оппенгеймера; существенной была ее роль и в разведывательной операции по выходу на близкие к Эйнштейну круги ученых специалистов. Через супругов Конёнковых к нам поступала важная информация о перспективах нового «сверхоружия»». Из Америки Конёнков написал ряд писем Сталину, в которых на основе различных пророчеств предсказал грядущую Вторую мировую войну и будущее мира после неё. Как ни странно, многие из этих пророчеств сбылись. В данной книге приводятся воспоминания С.Т. Конёнкова о его жизни, а также письма Сталину о войне, впервые в полном виде, без купюр. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3

ISBN 978-5-00180-997-5

© Конёнков С. Т.

© Алисторус

Содержание

Часть 1	7
Детство	7
Школа	10
Гимназия	14
Москва	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Конёнков
Пророчества о войне. Письма Сталину

© Конёнков С.Т., правообладатели
© ООО «Издательство Родина», 2023

Часть 1

Воспоминания

(из книги «Мой век»)

Детство

Наш прадед Иван Сергеевич Коненков в грозную пору нашествия Наполеона на Россию вместе с другими крестьянами партизанил в ельнинских лесах. По преданию, это был высокий, богатырского сложения мужик с седой, до пояса, бородой.

Жил он в деревне Нижние Караковичи. Двор его стоял у истока ключевой воды, на краю оврага, который звался Вихров. Ключ питал ручей, впадавший в Десну.

Нижние Караковичи расположились у самого берега Десны, и жители деревни помимо землепашества занимались тем, что сплавляли лес по Десне и Днепру до самого Херсона. Сплавщикам приходилось проходить днепровские пороги, где когда-то шуму вольной воды вторили громогласные клики казаков с Запорожской сечи.

В дни моего детства по обе стороны реки тянулись вековые леса. По берегам Десны возвышались насыпные курганы. В древности здесь проходил знаменитый водный путь «из варяг в греки». В более поздние времена на вершинах насыпных курганов зажигали сторожевые огни, предупреждая об опасности.

По Десне издревле жили славяне, кривичи. Жители Караковичей, по видимости, были их прямыми потомками. Рослые, сильные, накрепко привязанные к родной земле, эти люди сквозь века пронесли черты славянского характера, облик и стать славянина.

Нижние Караковичи, находилась в крепостной зависимости у помещика Лаврова. Но задолго до отмены крепостного права, еще до войны 1812 года, дружная работающая семья Коненковых вышла на волю. Выкуп был большой. Вольная обошлась семье в несколько тысяч ассигнациями. Выплачивали долго. Даже после отмены крепостного права. Помещик, конечно же, не старался разъяснить, что теперь можно и не платить. Это было уже при мне. А если подумать, – у помещика расчет был верный: трудолюбивая семья век в должниках ходить не будет – выплатит «долг» сполна. Так и случилось.

Вязали плоты, спускали их по Десне до Брянска, продавали лес и с деньгами артельно пешком возвращались домой, всякий раз выплачивая дань помещику. Ломали спины, кричали от натуги под тяжестью огромных бревен, но – платили...

Родился я 28 июня 1874 года. Полугодовалым ребенком заболел и, как рассказывали мне впоследствии, лежал в люльке, не смыкая глаз ни днем ни ночью. Передо мной часто зажигали восковую свечу, ожидая близкую кончину. А я выздоровел. Болезнь наши деревенские называли младенческой. Длилось это испытание моей жизнеспособности целых шесть недель.

Люлька висела в скотной хате. Сюда в студеную пору приводили отелившуюся корову. Ее кормили месивом из корыта, а рядом на полу лежал теленок. Под койником зимовали овцы с ягнятами. Их подкармливали заготовленными летом липовыми вениками.

Когда я чуть подрос, меня стали укладывать на койнике. Подо мною беспрестанно жевали овцы. Воздух был спертый, тяжелый. От духоты я часто просыпался, открывал маленькое оконце, выходящее к гумнам, и всматривался в даль, ища глазами зайцев, которые могли прибежать сюда, на обрезки капусты. Свежего воздуха удавалось вдохнуть, когда входил или выходил кто-либо из хаты. Морозный воздух врвался в помещение клубами...

Две другие хаты, принадлежавшие нашей многочисленной семье, – черная и горница – были также густо заселены. Когда нас, ребятишек, звали в горницу попить чайку, мы перебежали через двор босиком. Бежали опрометью, чтобы пятки к земле не примерзали.

...Время шло, я подрастал и креп. Родился мой братишка Федя. В скотной хате стало еще тесней. Новорожденного надо было мыть – купать в корыте. На это время нам приходилось переселяться из скотной хаты в жилую.

Жилая хата была удобнее и веселее. Окнами она выходила на улицу. Ребятишки занимали место на печке. Печь была огромная – хоть на коне въезжай. На печи и тепло и забавно. По щелям жило много желтых прусаков. Мы наблюдали, как прусаки быстро прятались в щель и оттуда смотрели на нас, шевеля усами. Мы даже заметили одного белого таракана и назвали его «царем». Тут же на печи сушилась лучина.

У меня явилось желание смастерить из лучины скрипку. Делалось это так. Вдоль толстой сухой лучины натягивались нитки, под нитки вставлялась подставка, а согнутая дугой лучинка с конским волосом заменяла смычок. «Смычок» смазывали смолой от елки. Рождался писклявый звук, который все же радовал нас. Позднее мы «усовершенствовали» скрипку, делая ее из дранки, а смычок вырезали более красивый и даже выделяли струны из бараньих кишок.

Впоследствии к нам на свадьбы и посиделки приглашались три брата, дети лесника Фоменкова с Горбуновского бора. у них были скрипки и виолончели собственного изделия.

Осенью начинались свадьбы. Забота о выборе невест лежала на старших в роду. Неженатых было мало. К сватовству относились серьезно. Непьющий жених почитался. Но на свадьбах гуляли напропалую. Свадьбы были широкие. Проходили они шумно и весело. В свой черед пели песни величальные и свадебные. с пляской прохаживались по деревне ряженные. Торжество продолжалось до тех пор, пока измученная хозяйка не предлагала гостям разъезжаться, не то в шутку, не то всерьез говоря: «Доживете до четверга – по вам походит кочерга». Свадьбы впоследствии обсуждались во всех подробностях. От хохота содрогались стены, когда вспоминали, кого где свалил свадебный хмель: кого в овине, кого в огороде между грядками, а кто, изрядно подвыпивши, ночевал в свинухе.

...Часто через деревню шли нищие, жалостливо просили подаяния: «Подайте Христа ради!» Почти всегда это были слепые. Их вели поводыри – мальчики или девочки нашего возраста. Странники, играя на трехструнной лире, пели, а поводыри зычно подпевали. Мы, притихшие, слушали песни о Лазаре, Егории и блудном сыне. Деревенские женщины обычно просили спеть песню о пьянице, ибо их мужья грешны были этим. Нищий со слезой в голосе заводил: «Когда пьяница руганется, мать сыра земля содрогнется...» Слушательницы плакали и одаривали нищих. Подавали кто краюху хлеба, кто муки, кто сала, кто яиц.

Помню, приходил нищий по прозвищу Цирюка, живший поблизости от нас. Он был совершенно лысый и таинственно рассказывал, что в глубоком рву, недалеко от нашей деревни, есть клад, оставшийся от французов, а на топине, у Десны, он часто видит вспыхивающие огоньки, наверно, и там спрятаны сокровища, только вот трудно их взять. Все это было так заманчиво, что и мы, ребятишки, иногда со страхом подкрадывались к заветным местам.

Цирюка рассказывал, что и он копал и докопался до медного круга, вроде печной заслонки, а от круга шла проволочка, за которую он потянул, она порвалась. И тогда что-то в глубине земли загудело, и клад провалился дальше. Цирюка рассказывал так живо, что мы вполне верили ему...

Нас с братом Гришей часто посылали в поле подтаскивать и складывать снопы. Заодно мы носили щи и похлебку в двоешках для жнецов и косарей. Устанешь, бывало, от жары, и ноги не идут. Помнится, как я кричал: «Гриш, Гриш, неси гургурлач – я пить хочу!...» – «А я, ба-ат, не донесу, рука замлела».

Мне было неполных четыре года. Но в страдную летнюю пору и такой «мужичок с ноготок» без дела не ходил. С лугов от Десны ребятишки возили сено, с поля – снопы.

Рад бы дернуть вожжами и крикнуть: «Но! Серая!», а идешь молча. Побежит лошадь – растрясет воз, рожь осыплется. Зато с гумна порожняком катили шибко, каждый старался обогнать приятелей.

Возить снопы – большое удовольствие. Ведя лошадь в поводу, бодро пылишь по раскатанной теплой дороге, на ходу шелушишь колосья и жуешь пахучие зерна. А еще интересней было в пору сенокоса.

Покачиваясь, плывет бокастый, пышный воз, оставляя на лугу след. А ты наверху. Высоко, аж дух захватывает. В деревне у сарая поджидает дядя Устин. Воз опрокидывается, сено наскоро досушивают и спешат убрать под крышу. Тут опять у нас, ребят, есть дело – растаскивай по углам, утаптывай ароматное сено! Визг, хохот... Кипит работа.

Школа

Жизнь шла, я подрастал. Мой старший брат Михаил уже знал кое-что в грамоте. Он умел читать, и я тоже присматривался и прислушивался к этой премудрости.

Первым моим школьным учителем был отставной солдат Егор Андреевич. В отведенной для школы избе стояли столы и скамейки. Одновременно здесь обучалось три класса. Шум, гам стоял невообразимый. А Егор Андреевич, покрывая зычным голосом все три класса, кричал: «Громче! Громче!» Все, кто входил в деревню, сразу же узнавали, где школа.

В двенадцать часов подавалась команда: «На обед!»

К вечеру, когда в углах школы начинало темнеть, была команда: «Кончать занятия!» Тотчас мы с шумом выбегали на улицу и отправлялись кататься на горки. Катались до полной темноты, пока нас не кликали ужинать.

Во время занятий Егор Андреевич был строг: и на горюх ставил, и за уши трепал. Но стоило ему отпустить нас по домам, как он становился неузнаваемым – заводил с нами игры, устраивал целые представления.

Бывало, расставит снопы – это солдаты. А самый большой сноп – командир. И Егор Андреевич тут же начнет командовать: «Направо... Налево!..» Такие фокусы со снопом и вытворяет, что нет конца нашему восторгу.

Пятнадцать лет Егор Андреевич провел на военной службе, а когда отслужил, стал монахом в рославльском монастыре, но за непокорный характер был расстрижен и обращен, как он сам говорил, «в первобытное состояние», после чего и пошел странствовать по белу свету. У него была тележка-двухколеска. На тележке кораб. набитый книжками «Жития святых» и сказками. Так продолжалось недолгое время. Он пристрастился к чтению, а затем стал сельским учителем.

Егор Андреевич запомнился мне на всю жизнь не только потому, что он первым учил меня читать и писать. Этот человек разбудил во мне любопытство ко всему окружающему, к людям и их судьбам.

Впоследствии я подружился с Егором Андреевичем и, когда он стал пасечником, часто бывал у него на пчельне.

Какое это было счастливое время! На пчельне пахло медом, воздух наполняла чудесная музыка: на тысячи ладов гудели улетающие и возвращающиеся со взяткой пчелы. Музыка эта менялась во времени и была то гармонично-певучей, то тревожной, когда солнце закрывали дождевые облака.

Я сторожил выход роя и по обыкновению мастерил что-нибудь из дерева.

Егор Андреевич все про жизнь свою солдатскую рассказывал. Как в казарме своим телом он мокрые портянки сушил и многое другое. Или день-деньской беседовал с пчелами. Он освобождал из добровольного плена запутавшихся в его бороде пчел. Поплевав на пчелу, брал ее двумя пальцами и пускал в траву просыхать, приговаривая, чтобы зря не путалась в волосах, а занималась бы своим делом – носила бы лучше в улей мед. Казалось, пчелы понимают его уговоры...

Вспоминая пасеку и своего первого учителя, много лет спустя я исполнил скульптуру «Егор-пасечник».

...Школьное руководство Егора Андреевича дало свои плоды. Вершиной наших знаний было чтение по древнеславянскому псалтырю. Многие акафисты мы знали наизусть. И нас, учеников, приглашали читать псалтырь по покойникам.

Научил нас Егор Андреевич и писать. От писания гусиными перьями перешли к стальным. Научились даже чернила из ольховой коры делать, замешивали их на шкварках кузнеч-

ного железа, подливая для цвета квас. Чернила были у всех разные, и каждый хвалился своим изделием.

Егор Андреевич говорил, что нас можно считать грамотными. Но тут же в назиданье прибавлял:

– Будьте старательными, не занимайтесь баловством...

На короткое время из Рославля приехал к нам учительствовать Николай Николаевич Азанчевский. Это был мужчина громадного роста и большой пьяница. Попьянствовав некоторое время с Егором Андреевичем, он скрылся и больше не возвращался. Вот тогда и явился отставной офицер Владимир Николаевич. Человек широкого кругозора, обстоятельный, знавший помимо привычных школьных наук и рисование. Мы, ребяташки, его полюбили, и школа наша ожила.

Мы читали «Родное слово». «Хрестоматию» Басистова. В них были рассказы, сказки, загадки, описание природы, зверей, птиц, рыб. Все это было живо и понятно, походило на жизнь. До обеда учились чтению, арифметике, географии, а после обеда писали. Списывали с книг, чтобы все было правильно и выглядело красиво, каллиграфически.

Владимир Николаевич следил за каждым учеником, объяснял, что было непонятно. В школе занималось нас человек пятнадцать, мальчиков и девочек. Приходили ребята и из соседних деревень. Со всеми учениками Владимир Николаевич обращался ласково. Учил нас переплетать книги, украшать переплеты картинками и рисунками. Тех, кто любил рисовать, Владимир Николаевич всячески поощрял.

Егор Андреевич и Владимир Николаевич были противоположных мировоззрений.

Егор Андреевич воспитан был по древнеславянской азбуке. Верхом знаний для него был псалтырь, церковное богослужение, пение на разные гласы. В сумке у него хранились «Жития святых», религиозные картинки, иконки, разные сказки: «Еруслан Лазаревич», «Вова-королевич», «Пан Твардовский», «Гуак», «Францель Венциан». Егор Андреевич, хоть и не был больше монахом, сам себе сшил стихарь и на гумне в мякиннике или в пустом сарае устраивал молельни, где по праздникам громко пел и читал священные акафисты. Встречаясь с крестьянами, в особенности с бабами, он делал серьезный вид, и они иногда подходили к нему под благословение.

Владимир Николаевич был человеком светского воспитания. Увлекался чтением романов, признавал танцы и музыку. Сам недурно танцевал. Это умение он приобрел, обучаясь в кадетском корпусе.

Они часто спорили. Егор Андреевич говорил, что про лисичек и зайчиков писать в книжках не следует, а вот псалтырь знать необходимо: в псалтыре написано много поучительного. Но Владимир Николаевич, разгорячившись, бросал псалтырь в угол. Он мог вступать в спор даже со священником, говорил, что тот совершенно бессмысленно, по-чиновничьи отправляет службу. Это скептическое отношение к церкви зародилось и у нас, учеников Владимира Николаевича.

По воскресеньям и праздникам наша семья отправлялась в церковь в Екимовичи, за три версты от деревни. Те, кто оставался дома, молились все вместе. Пели псалмы, читали акафист. Пели все. И я не составлял исключения. Но в одиннадцать лет я стал безбожником. Случилось это вскоре после поступления в Рославльскую гимназию. До гимназии я молился. А там многие ученики смеялись надо мной и упрямо твердили: «Бога нет! Бога нет!»

На рождественские каникулы я приехал домой в Караковичи. Перед обедом, прежде чем сесть за стол, все молились. Я стоял и не крестился. Мой дядя, Андрей, спросил:

– А ты, Сергей, почему не молишься?

– А чего зря-то молиться?

– Как «зря»?

– Да очень просто: бога-то нет.

Дядя Андрей посмотрел на меня строго, а потом с иронией заметил:

– Ученый стал.

Вскоре и соседи узнали, что я не верю в бога. Раньше они смотрели на меня обыкновенно, как и на других мальчишек моего возраста. А теперь по-иному. Зачастили к нам. Когда входили в дом, то еще с порога спрашивали: «Ну, где тут безбожник?» Приходили взглянуть на Сергея-безбожника и крестьяне окрестных деревень. Авторитет мой в глазах окружающих поднялся. А за собой я заметил, что как будто повзрослел...

Но я забежал вперед, вернусь ко времени более раннему.

Одни наши родственники рассуждали, что не все и богатые отдают детей в ученье. На что другие отвечали:

– Богатых не надо учить, денег у них хватит на жизнь и без ученья, а вот беднякам учить детей необходимо, иначе нет надежды выбиться из темноты.

Дядя Андрей считал меня смывленным и в знак расположения купил мне кожаные сапоги. И впоследствии дядя Андрей не раз покровительствовал мне.

От него зависело решение моей судьбы, когда соседние помещики Смирновы, надумав готовить своего сына для поступления в Рославльскую гимназию, стали подыскивать ему товарища. Указали на меня, как на подающего надежды ученика. Смирновы послали за дядей Андреем и стали уговаривать его отдать племянника учиться с их сыном в город. Дядя Андрей навел справки, во что обойдется учение в городе, узнал, что потребуется на это не менее 100 рублей в год, поежился, но порешил:

– Пусть хоть один из нас будет ученый.

Меня и младшего моего братишку Гришу решили отправить на житье к Смирновым, где я и сын помещика Александр должны были готовиться к экзаменам в гимназию.

Нам с Гришей дали мешок, набитый сеном, две подушки, чистое белье. Дали чаю и сахару, крупы и краюху хлеба.

Привез нас к Смирновым дядя Андрей. Стояла зима. Устроившись на розвальнях, мы с Гришей высматривали по дороге заячьи следы. Их было особенно много возле Пентюховой пасеки, через которую мы подъезжали к поместью.

Вскоре открылся нам довольно большой, длинный дом с двумя подъездами по бокам. Подкатили к первому подъезду, остановили лошадь, забрали свой скарб и с трепетом поднялись по крутой лестнице в переднюю. Сложили пожитки под стол у окна и стали ждать. Нас встретили хозяева. Тут же был Саша, вместе с которым мне предстояло учиться.

Саша был одет по-барски: в короткую курточку, длинные штаны, на ногах башмаки. Он был наголо острижен в противовес нам – лохматым, нестриженным.

Нас оглядели, попросили пройти на кухню, угостили чаем. Потом показали довольно просторную учебную комнату рядом с передней. Тут стоял большой стол с книгами и тетрадками, несколько стульев, две кровати – для учителя и Саши.

Представили нас учителю Алексею Осиповичу Глебову, семинаристу последних классов. Он мне показался очень симпатичным и приветливым. Одет он был в вышитую рубаху-косоворотку, сверху пиджак, брюки навыпуск.

Алексей Осипович говорил с нами ласково, расспрашивал, кто что знает по чтению и письму, объяснял, что мы будем проходить.

И вот дядя Андрей распрощался со Смирновыми и с нами, приказал учиться старательно, не баловаться и с тем уехал. На следующий день приступили к занятиям. Но прежде осмотрели картины, висевшие в учебной комнате. Это были приложения к «Ниве», – гравюры с картин Ю. Клевера, К. Маковского, иллюстрации П. Боклевского к «Мертвым душам» Гоголя.

«Нива» выписывалась Смирновыми многие годы, и мы еще долгое время листали, рассматривали, читали знаменитый иллюстрированный журнал. Из «Нивы» мы многое узнали

о том, что творится на белом свете. Все неведомое и непонятное объяснял и растолковывал Алексей Осипович.

В первый день ученья мы читали вслух. Алексей Осипович указывал, что читать, а сам слушал. Саша читал лучше нас. Да и понятно – он был хорошо подготовлен. Но и мы не робели. Ученье подвигалось. Мы бойко читали, писали. Читали про Гулливера, Робинзона Крузо, былины про Илью Муромца, Добрыню Никитича, Алешу Поповича. Читали из Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Некрасова. Книги брали в Рославле, в библиотеке.

Учили таблицу умножения, сложение, вычитание, умножение, деление. Решали задачи. Учили также географию и историю, выучивали на память стихи.

Алексей Осипович иногда читал нам отрывки из книг. Мы слушали с затаенным дыханием и тогда-то поняли всю красоту хорошего чтения. Навсегда мне запомнился голос, интонации умелого чтеца. Мы мечтали со временем научиться читать так же хорошо...

Подошла весна. Начались полевые работы. Гриша уехал домой в деревню. Остались мы вдвоем с Сашей. Вместе с Алексеем Осиповичем мы бродили по окрестностям. Заходили в деревни, разговаривали с крестьянами.

За редким исключением наши собеседники – крестьяне – были людьми темными, неграмотными. Мы спрашивали, как они обходятся без грамоты. Мужики, почесав затылок, отвечали, что в случае какой надобности или когда спор зайдет, обращаются к попу. Вот, например, когда в поле обнаружится залом – спутанная рожь, лошадиные кости на земле, зовем священника, и, пока он не отслужит молебна, снимающего колдовские чары, жать рожь нельзя. Само собой, что попу за такую важную услугу полагается вознаграждение. Залома же эти устраивали деревенские «ведуны», знахари, и тем нагоняли страх на темных крестьян.

Отчего гром гремит? Так это Илья Пророк, которого бог живым взял на небо, раскатывает там на колеснице. Тучи нагоняет дьявол.

Нет дождя? Бога прогневили.

И так далее и тому подобное. Какую чепуху ни услышит темный неграмотный крестьянин, принимает за чистую монету.

Алексей Осипович тут же объяснял физическую сущность явлений природы. Крестьяне слушали с большим вниманием. Вид у них при этом был оторопелый.

Между тем разговор перекидывался на житье-бытье... Живем впроголодь, жаловались мужики, хлеба редко у кого до рождества хватает, приходится занимать у помещика или у деревенских богатеев. А уж потом за эту милость гнешь спину на барских полях. Да разве когда рассчитаешься! Так весь свой век и ходишь у барина в должниках.

Постоянной бедности сопутствовало горькое пьянство. Дурная слава была у придорожной деревни Жердево. В этой деревне был кабак и лавка, торгующая баранками да селедками. Редкий день в Жердеве обходился без зверской драки. Вываливались из кабака пьяные мужики, валтузили друг друга, катаясь в придорожной пыли.

А между тем в Жердеве было волостное управление. Но властям недосуг заниматься наведением порядка. Главная фигура в «волости» – писарь Трущенко. Он единственный грамотей в округе, в страхе перед ним пребывал даже сам волостной старшина – неграмотный кулак.

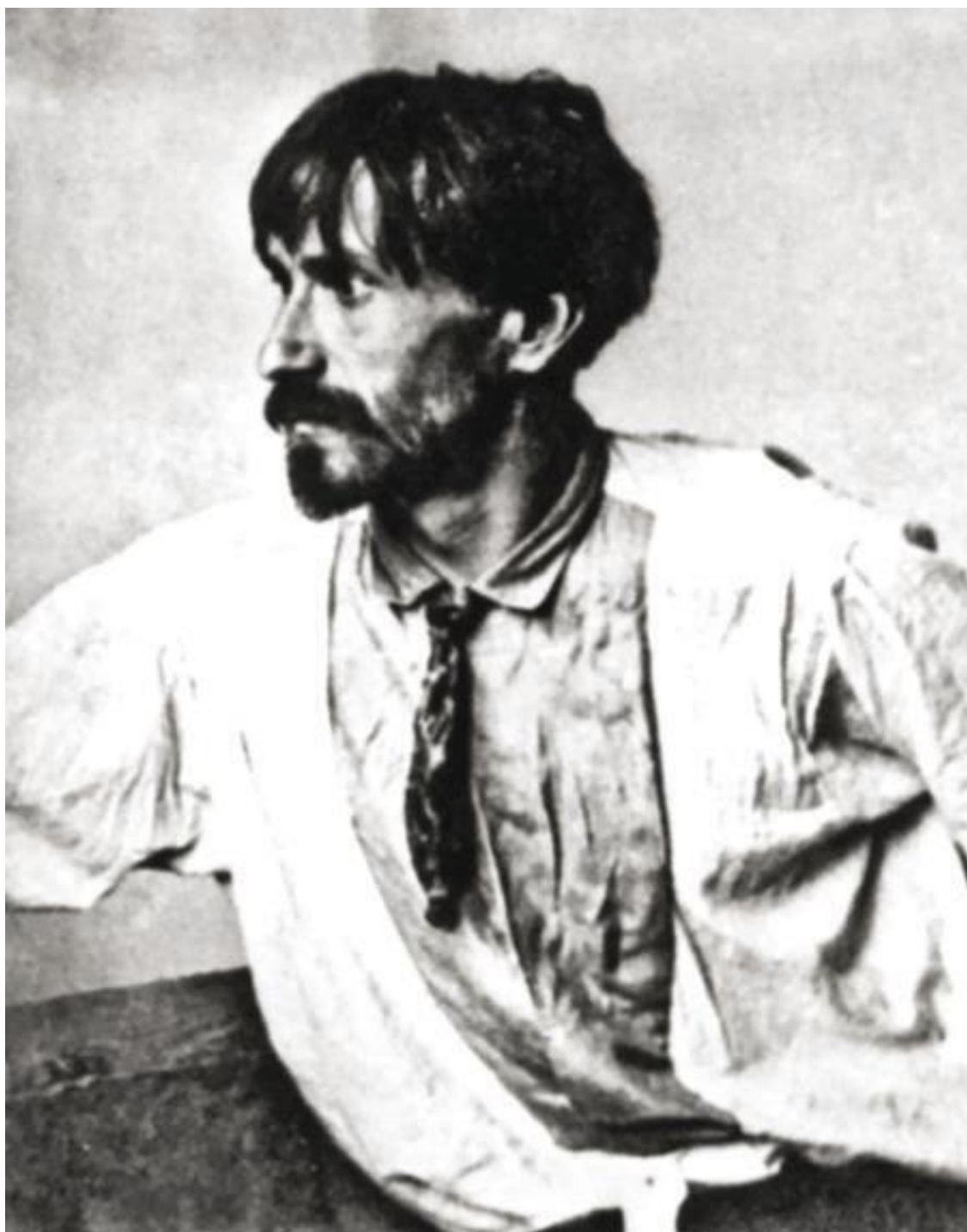
Трущенко – великий взяточник. Приближаясь к приземистому дому, в котором помещалось волостное управление, крестьянин-проситель держал за пазухой мзду. За составление прошения в зависимости от сложности дела следовало писарю полбутылки, курица или даже поросенок.

Грамотный человек в ту пору – большая редкость. Семена просвещения скупой были рассеяны по деревням и селам нашего Рославльского уезда. О такой жалкой, редкой всходами ниве в народе говорят: «Колос от колоса, не слышать и голоса». Так оно и было.

Гимназия

Хорошо мне жилось у Смирновых. Все: и сам глава семьи Александр Иванович, и его жена – добрейшая Екатерина Федосеевна, и старшие сыновья Александра Ивановича – Михаил и Николай, и дочери Анна и Мария – поощряли мои способности к рисованию и прочили мне дорогу художника. В разговорах в семейном кругу вспоминались то памятник царю Петру, то гениальное «Явление Мессии» Александра Иванова, то будто между прочим кто-нибудь говорил о том, что в Рославле родился скульптор Микешин, создавший памятники в Петербурге, Новгороде, Киеве и других городах.

Алексей Осипович частенько брал в руки гитару и, сам себе аккомпанируя, пел романсы Варламова и Гурилева. Мария Александровна проникновенно пела «Выхожу один я на дорогу». Услышав впервые ее пение, я тотчас узнал слова, написанные на перегородке нашей деревенской школы. Мне сказали, что автор этого замечательного поэтического создания Михаил Юрьевич Лермонтов. Для меня в этой волнующей душу песне впервые открылась связь поэзии с музыкой...

1. Сергей Конёнков в конце 1890-х годов.

Сергей Конёнков родился 10 июля 1874 г. Местом его рождения стала деревня Караковичи, что расположена в Смоленской губернии (сейчас это Смоленская область, Ельнинский район). Семья была достаточно зажиточной, хоть и являлась крестьянской. Мать Конёнкова умерла, когда мальчику было четыре года. После её смерти он рос в доме своего дяди, который достаточно рано заметил необычные способности племянника.

Осенью Смирновы решили везти Сашу в Рославль сдавать вступительные экзамены в гимназию. Снова пригласили к себе в имение дядьку Андрея и сообщили ему, что следует повезти на экзамен в Рославль и меня, как о том договаривались еще прошлой зимой. Андрей

Терентьевич после долгих размышлений окончательно согласился на такое рискованное, неведомое в крестьянстве предприятие.

Всей семьей стали собирать меня в дорогу. Одежда моя была из рук вон плоха. Рубашка кое-как закрывала тело, штаны худые, на ногах старые башмаки. Подштопали, подлатали мою одежду. Вымыли, причесали меня самого. Усадили в телегу, в которую был впряжен старый и верный конь Пегарка – его привели на коненковский двор, еще когда моя мать выходила замуж.

...Гимназия в Рославле – большое двухэтажное здание – поразила меня своим внушительным видом. Не то, что наша деревенская школа! У дверей стояли важные швейцары. Они направили нас в класс, в котором должен был состояться экзамен. В коридорах шумела приехавшая на экзамены молодежь.

Нас экзаменовали по русскому, арифметике, географии. От волнения я свою фамилию написал с маленькой буквы. Спohватившись, переправил на большую. Экзаменатор – это был Василий Ильич Ласкин, – добродушно улыбнувшись, счел за ничто это и поставил хорошую оценку. Удовлетворили мои ответы и других экзаменаторов.

Меня приняли в первый класс. Сашу Смирнова тоже приняли. Саша и я рассказывали о нашем страхе на экзаменах. Передавали, как могли, что пережил каждый из нас.

Начали говорить о том, чтобы нас прилично одеть. Заказали в богатом магазине напротив нашей квартиры, у Якобсона, гимназические костюмы по 8 рублей. Дядя Андрей грустно смотрел на предстоящие расходы. Не знаю уж, как он рассчитался. Только за фуражку с вензелем «РПГ», помню, нужно было заплатить один рубль двадцать пять копеек.

Сашу определили на квартиру к священнику, преподавателю гимназии. А меня дядя Андрей повел на Рачевку, в бедный мещанский квартал, где снял мне за 7 рублей в месяц угол. Около окна поставили кровать и стол для занятий.

Дядя Андрей на прощанье приказал мне учиться получше и уехал. Я остался один в городе, который на первых порах показался мне большим и чужим...

С трепетом явился утром в гимназию. Швейцар показал, где раздеться, где снять калоши и повесить фуражку.

Нашел свой класс и сел за парту. Гимназисты-второгодники, знающие порядок и обстановку, обступили новичков.

– Первое правило у нас – не быть ябедником! – и тут же давали новичку в бок тумака.

Меня спросили, как зовут, и, подав листок бумаги и ручку, приказали писать под их диктовку: «Лей, лей, не жалея, клянусь, боюсь, не рассержусь» – и вылили мне на голову стакан воды, повторяя уже слышанный завет: «Будешь ябедничать, получишь еще тумаков». Изрядно исколотив нас с Сашей, спросили:

– Ну как, поняли?

– Да, поняли, – ответили мы дружно, подчиняясь гимназическим законам товарищества.

Потом спрашивали:

– В бога веруешь?

Я по простоте душевной отвечал:

– Да, верую.

– Дурак, – хохотали гимназисты. – Бога нет, а если бывает гром и молния, так это электричество.

Они быстро обратили меня в свою веру. Я подчинился общему духу гимназии...

Чувство великой благодарности на всю жизнь сохранил я к нашему гимназическому учителю русского языка – Василию Ильичу Ласкину. Как много дал нам Василий Ильич в смысле развития понимания красоты и поэзии! Он распахнул перед нами двери в огромный прекрасный мир русской литературы, он открыл для нас образное богатство родного языка. Он читал нам избранные рассказы и отрывки из крупных произведений с неподдельным увлечением.

Когда Василий Ильич читал «Капитанскую дочку», «Очерки бursы» Помяловского, «Три смерти» Толстого, лермонтовского «Героя нашего времени» или «Мертвые души» Гоголя, у многих из нас, учеников, в глазах стояли слезы. Поэтический перл Гоголя «Чуден Днепр» с тех пор для меня – непревзойденное творение гения человечества.

Василий Ильич приобщал гимназистов и к большой драматургии. Это он надоумил нас отправиться на концерт одного заезжего артиста, выступавшего в Летнем театре с чтением отрывков из драматических произведений Гоголя.

Сердце леденело от горечи, от обиды за человека, когда я слушал заключительный монолог Поприщина из «Записок сумасшедшего». Как я чувствовал боль несчастного Поприщина, как остро проникала мне в сознание глубокая мысль о несправедливости, царящей вокруг! Жалоба Поприщина вырастала во мне в стон всей русской земли:

– Нет, я больше не имею сил терпеть. Боже! Что они делают со мною! Они льют мне на голову холодную воду!.. За что они мучат меня? Чего хотят они от меня, бедного?.. Спасите меня! возьмите меня! Дайте мне тройку быстрых, как вихорь, коней! Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтеся, кони, и несите меня с этого света!..

Потрясающий образ не оставлял меня. Он возрастал во мне, требовал выхода. Поприщин – ущербный, но такой близкий русский человек – требовал расплаты, зывал к мужеству.

...Второй год пребывания в Рославле ознаменовался переменой места жительства. Дядя Андрей устроил меня квартирантом в дом купцов Голиковых.

Дом Голиковых, как и весь уклад жизни этой крепкой патриархальной русской семьи, помню хорошо. Дом был сложен из громадных, толщиной в два обхвата, сосновых бревен. Если бы не фашистское нашествие, он простоял бы еще не одну сотню лет. Но в годы войны дом сгорел, в чем я убедился, побывав в Рославле. Этот, теперь уже несуществующий, дом вижу как наяву.

В доме Голиковых бывали знаменитые на всю Россию научной постановкой сельскохозяйственного производства помещики Энгельгардты. Не раз гостили Пржевальские. Я помню, с каким вниманием слушали хозяева дома рассказы великого путешественника, ученого с мировым именем, нашего земляка Николая Михайловича Пржевальского. Другом дома Голиковых был уже знакомый читателю Николай Александрович Полозов.

Всякий столичный гость или заезжий артист не минует дома Голиковых. Что поделаешь – привлекали людей голиковские вечера, про которые знали не только в Рославле и Смоленске, но и в Москве.

Рославль наш не обходили стороной и знаменитые артисты. Здесь бывал Леонид Витальевич Собинов. Он даже выбрал себе из Рославля невесту – одну из дочерей купца Мухина. При мне выступали на Бурцевой горе братья Дуровы, а Владимир Дуров – чему я свидетель – появился однажды на вечере у Голиковых.

Москва

И вот гимназия окончена. Надо сказать, меня не мучил вопрос, что делать дальше. Ко времени окончания гимназического курса созрело уже определенное желание добратся до Москвы и поступить здесь в Училище живописи, ваяния и зодчества.

Дома еще раз состоялся семейный совет. Дядя Андрей, посчитав наличный капитал и рассудив по поводу видов на урожай, сказал:

– Ежели господь пошлет хороший урожай овса и льна, быть по-твоему. Соберусь с силами, дам 50 рублей, и поезжай с богом. Учись, работай! Может, и выйдет из тебя человек. Только не пеняй, если ничего больше посылать не буду. Пора тебе на свои ноги становиться.

Мне в ту пору шел уже восемнадцатый год. По крестьянским понятиям – вполне самостоятельный мужик.

Все лето я работал не покладая рук в хозяйстве и на полях, не забывал и о предстоящих экзаменах. Урожай задался такой, лучше какого и желать было нельзя, и осенью дядя Андрей дал мне обещанные 50 рублей.

Меня собрали, как могли. Дали белье, новую куртку и брюки, снабдили сапогами с длинными голенищами. По обыкновению перед отъездом все на минутку присели, а потом, прощаясь, я расцеловал троекратно каждого, и мы с дядей Андреем пустились в путь. Он решил проводить меня до Смоленска.

Из Рославля ехали поездом. Часов в двенадцать дня добрались до Смоленска. Впервые я увидел такой большой и красивый город. Смоленск, расположенный на горах, от вокзала, стоявшего на низком левом берегу Днепра, открывался взгляду весь.

Величественная крепостная стена пролежала по горам, окружая город. В центре высился великолепный храм. Мы зашли туда и были поражены величавостью сводов, богатством живописной росписи, пышностью гигантского иконостаса.

Нам сказали, что даже Наполеон в двенадцатом году, войдя в храм, снял свою треуголку. Его поразило величие архитектуры и красота внутреннего убранства собора.

Затем отправились посмотреть памятник композитору Глинке. Дяде и мне очень понравилась фигура из бронзы, сделанная академиком фон Боком. Тут Андрею Терентьевичу стало понятней, в чем смысл моей будущей профессии. Он вслух одобрил мое стремление научиться делать такие прекрасные фигуры.

Налюбовавшись городом, мы отправились на Подол и на базаре у моста через чудный Днепр сытно пообедали.

Время подходило к пяти часам вечера. Нужно было покупать билет на Москву. Подошли к кассе. И тут со стороны приблизился к нам кондуктор в железнодорожной форме и спросил:

– Вероятно, вы нуждаетесь в билете на Москву? Билет третьего класса стоит пять рублей сорок копеек. У меня есть билет во второй класс. Я его уступлю за ту же цену, за пять сорок.

– Не будет ли какого обмана? – усомнился дядя Андрей.

– Нет, как может быть! Я сам еду в Москву, веду поезд и присмотрю за молодым человеком. А вы, – обратился кондуктор к дяде Андрею, – сами можете убедиться, что место в вагоне свободно.

Дядя Андрей, конечно, не преминул зайти в вагон и, увидев, что кондуктор не обманывает нас, вручил деньги.

Поезд тронулся. Оставшись один, я заволновался: как бы меня в первый же момент пребывания в столичном городе не обошли московские жулики, о которых я слышал в деревне. Ехал и инстинктивно ощупывал место, где были зашиты пятьдесят рублей.

В купе второго класса я восседал один. Верный слову, кондуктор меня навещал. Мы проезжали станцию за станцией. Как только стемнело, лег спать и на мягком диване второго класса,

надо сказать, прекрасно выспался. На станции Одинцово в купе вошел дородный шумный мужчина, с виду купец. У открытого окна стояли рабочие-кирпичники и хитроватого обличья подрядчик. Торгуясь, они договаривались об оплате.

Купец спросил меня:

- Куда и по какой надобности направляетесь, молодой человек?
- Еду в Москву, чтобы держать экзамен в училище живописи, – ответил я.
- Значит, хотите бобра подстрелить!

Купец, очевидно, судил обо всем коммерчески. Шутка его меня покорила.

Поезд стал переходить большую реку, купец сказал мне, что это Москва-река. И вот открылся вид на Москву. Заблестел величественный купол храма Христа Спасителя. Мы въехали в Москву. Вокзал, к которому подошел поезд, тогда назывался Смоленским (ныне Бело-русский). Я спросил у купца, сколько будет стоить извозчик до Большого Колосова переулка на Цветном бульваре. Купец сказал, чтобы я не платил больше двадцати копеек. Мы простились, и действительно, я сторговался с извозчиком за двадцать копеек...

Москва поразила меня величиной, веселостью и множеством извозчиков. Только я сел в пролетку, как внимание мое привлекли большие монументальные ворота, открывавшие прямую и широкую улицу.

– Трухмальные ворота... А улица эта – Тверская-Ямская. Про нее даже в песне поется: «Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской едет мой милой с колокольчиком», – не дожидаясь вопросов пораженного провинциала, заговорил словоохотливый извозчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.